

Камила Левитан

Развод с предателем.

Мой конный клуб
тебе не достанется!

Камила Левитан

**Развод с предателем. Мой
конный клуб тебе не достанется!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Развод с предателем. Мой конный клуб тебе не достанется! /

К. Левитан — «Автор», 2026

Я застала мужа с любовницей в машине возле нашей конюшни. И услышала, как они обсуждают мой арест! Дмитрий собирался объявить конный клуб банкротом, повесить на меня фиктивные долги и забрать всё, что я строила годами. А его богатая пассия уже присматривала моих породистых лошадей! На следующий день счета заблокировали. Приставы вывезли любимую Изабеллу, а муж предложил подписать признание в мошенничестве. Но он кое-что забыл. Я умею бороться за тех, кого люблю! Теперь у меня есть опасный союзник, компромат и желание вернуть своё. Ты хотел оставить меня ни с чем, дорогой? Тогда готовься узнать, как больно бьёт копытом женщина, которую предали!

© Левитан К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Камила Левитан

Развод с предателем. Мой конный клуб тебе не достанется!

Глава 1

Изабеллу я успела завести в денник перед самым дождём. Овёс она просила так настойчиво, будто я провела с ней на плацу не сорок минут, а целые сутки. Я дала ей сена, проверила засов и побежала за сухой курткой. Стойки препятствий остались снаружи; в другой раз уберу. На дорожке ветер забил мне в глаза сennую труху. Пока вытряхивала её из воротника, первые капли прошли футболку на плечах.

После шести гараж обычно запирали. Сейчас служебная дверь была приоткрыта, а за ней светилась приборная панель. Белая Х7. Я узнала машину Ларисы раньше, чем успела прочесть номер, и замедлилась. Дмитрий собирался к кредиторам. Так и сказал: «Заберу тебя, как осужусь». Лариса могла приехать без него. Вполне могла. Я даже успела разозлиться на себя за подозрительность.

От двери до машины оставалось несколько шагов. Я свернула к бетонной колонне — туда, где меня не осветила бы лампа над въездом. Куртка зацепилась за сколотый край, пришлось отодрать её двумя пальцами. Через запах мокрого сена пробились сладкие духи. Лариса пользовалась ими и на утренних тренировках; после неё мне приходилось открывать окно в раздевалке.

Окно со стороны водителя было опущено. На передних сиденьях сидели оба. Дмитрий придерживал Ларису за затылок, наклонившись через подлокотник; она запрокинула голову и смеялась, пока он целовал её шею. Я смотрела на его большой палец у неё под ухом. На ногте была белая полоска — вчера прижал дверью. Я ещё приносила ему лёд. Теперь этот же палец гладил другую женщину, и смотреть почему-то нужно было именно на него.

Телефон удалось вынуть не сразу: мокрая подкладка держала его в кармане. Открыла камеру, навела на окно. Хотела снять лицо, чтобы Дима потом не объяснял мне, кого я видела. Экран потух. Я нажала кнопку сбоку, ещё раз, подольше. Ничего. Утром он предупреждал о разрядке, а я отложила зарядку до конца тренировки. Ну конечно. Самое подходящее время вспомнить.

Дмитрий убрал руку из её волос. Я ещё ждала, что он скажет ей что-нибудь ласковое. Услышала другое.

— С кормами не выйдет, Лара. Она накладные проверяет по мешкам, — сказал он. — Нам нужен договор. Покажем, что клуб банкротится, что надо спасать лошадей. Она признает убытки, подпишет — тогда и подадим на мошенничество. Черновик у меня. Только не суйся раньше времени, дай мне с ней поговорить.

Я прикусила губу, чтобы не выдать себя. Он только что целовал её — и теперь обсуждал мой арест тем же голосом, которым вчера спрашивал, что купить к ужину. Черновик. Он подготовил черновик, а я гладила ему рубашку.

Лариса отодвинула его плечо и поправила волосы за ухом. — Ты поговори. Папа до конца сезона ждать согласился, дальше не будет. Деньги, Дима, не твои, чтобы ты ими разбрасывался.

Я прижалась затылком к колонне. Её отец вложил в «Гармонию» два года назад, когда выручки едва хватало на содержание лошадей. Я носила ему расчёты, обещала вернуть вложенное, радовалась, что удалось сохранить команду. Он задал тогда только один вопрос: кто

подписывает документы — я или муж. Помню, как ответила: оба, у нас нет секретов. Господи, лучше бы я вообще ничего не отвечала.

Я сдвинулась, и подошва хлюпнула на бетоне. Лариса перестала улыбаться, повернув голову к колонне. — Кто там?

Оставаться здесь было нельзя. Телефон так и лежал в ладони, бесполезный, тёплый после моих попыток его включить. Я отступила к тюкам у стены. Подошва скользнула на масле, и пришлось ухватиться за бечёвку, чтобы не упасть. Тюк дёрнулся вместе со мной. Только бы не развалить всю стопку. Я втиснулась за неё и прижала локоть к груди: ткань куртки шелестела громче, чем нужно.

Лариса прошла рядом. Из щели между тюками я видела каблук и прилипшую к нему соломинку. Она остановилась. Я задержала дыхание, пока не заболело под рёбрами. Наконец каблук повернулся к машине. Лариса что-то бросила Дмитрию, неразборчиво, и хлопнула дверью. Вдохнула я только после хлопка.

Пришлось подождать. Хотела уйти через служебную дверь, но оттуда меня было видно. За время ожидания Лариса куда-то вышла. Дмитрий остался у машины один; открыл багажник, достал сумку, хлопнул крышкой. Я выбралась из-за тюков, рассчитывая проскочить у него за спиной. Он обернулся.

Мы едва не задели друг друга плечами. Я остановилась, он тоже.

Дмитрий ткнул телефон в карман так быстро, что зацепил край пиджака. Утром оставлял его на кухне рядом с моей чашкой. — Ника? Ты чего здесь? Я же должен был забрать тебя после тренировки.

Мне нужно было спросить про договор. Или про Ларису. А я считала капли на его воротнике и разглядывала красноватый след ниже уха. Раньше я заметила бы его и потёрла пальцем. Сейчас убрала руку за спину, прежде чем успела протянуть.

— Сумку от её духов проветрить не забудь, Дима. Сказала почти шёпотом. От громкого голоса меня могло сорвать, а этого он сегодня не получит.

Он глянул на сумку, потом мне за плечо. Дышал ртом, будто только что бежал. — Опять начинаешь? Посмотри на себя. Всё проверяешь, всё контролируешь. Мне дома нужна жена, Ника, а не бухгалтер. Ты сама до этого довела!

Вчера его вполне устраивало, что бухгалтер во мне нашёл ошибку в платёжке. Сегодня я вдруг стала неживой. Я смотрела на мокрый след чужой помады у его воротника и не собиралась спорить о своём характере.

В кармане торчали ключи от офиса. Связку я таскала три года, узнавала нужный ключ в темноте. Вынула её и бросила на капот Х7. На белой краске остался мокрый след. Мне на секунду стало жаль машину — нелепо, совершенно не вовремя. Но из всех вещей здесь она одна ни в чём не участвовала.

— Там теперь ночуй, — сказала я, показывая на ключи. — У меня дома тебе делать нечего. Потом вспомнила про договор и добавила: — И бумаги свои не прячь. Я их всё равно найду.

Дмитрий шагнул к водительской двери, но Лариса уже возвращалась. В одной руке бокал, в другой бутылка. Бутылку она поставила рядом с моими ключами, не взглянув на них.

— Дима, долго ещё? — Она остановилась напротив меня. — Ах, вот в чём дело. Вероника, у вас даже куртка насквозь мокрая. Сначала переоденьтесь, а потом устраивайте семейный театр. Или на другую куртку уже не хватает?

Она подняла бокал к Дмитрию. Ждала, что он улыбнётся. Я увидела на стекле след её помады и стиснула ладонь, в которой только что держала ключи. Ответить на слова про куртку хотелось ужасно. Ещё сильнее — чтобы она перестала говорить о моей жизни так, будто измеряла вещь из чужого шкафа.

— Ваш отец тоже любит такой театр? — спросила я. — Или ему достаточно подписанного договора? Лариса перестала крутить бокал. Я убрала руки в карманы, чтобы она не увидела, как они трясутся.

— Какого договора? — спросила она слишком быстро. Дмитрий дёрнул её за локоть. Вино плеснулось на край бокала. Она вырвалась, поставила бокал на капот и уже без улыбки посмотрела на меня.

— Ты ничего не докажешь! — Дмитрий схватил меня за запястье. — Я сам полицию вызову! Думаешь, можно просто ходить и угрожать? Его ноготь вдавился в кожу. Я попробовала отойти, но он сжал сильнее.

Когда-то Артур показывал мне, как освобождать руку: не тянуть на себя, выворачивать к большому пальцу. Попробовала. Получилось со второй попытки; Дмитрий отшатнулся и стукнулся поясницей о машину. Мне захотелось извиниться. Привычка оказалась быстрее головы. Вместо извинения я сделала шаг к служебной двери.

Мне хотелось вернуться и спросить Дмитрия, давно ли он это решил. Но за спиной снова зацокали каблучки. Я вышла под дождь, не оборачиваясь: поговорить о нашем браке ещё успею, а бумаги он может подать уже утром.

У служебной двери я достала из внутреннего кармана пауэрбанк, подключила телефон и подождала, пока тот включится. Потом он завибрировал. Экран вспыхнул, озарив моё бледное лицо голубоватым светом.

Пропустив сообщения, я набрала знакомый номер. Артур занимался спорами конюшен и однажды уже помог мне отбить чужой иск. Сейчас нужен был человек, который сначала прочтёт договор, а потом поверит словам моего мужа.

Гудки. Один. Два. Три.

— Алло? Артур ответил после третьего гудка. Я узнала его хрипловатый голос и почти разревелась. Он хотя бы ещё не знал, что я осталась без мужа и, возможно, останусь без клуба. Для него я пока была прежней Никой.

— Артур, побудь на линии, — сказала я. — Мне нужен юрист. Срочно. И сначала просто послушай, ладно?

Глава 2

Карта застряла в терминале, когда я попыталась вынуть её после отказа. Пришлось придержать аппарат второй рукой. На экране всё ещё горело «Операция отклонена». Я предложила менеджеру провести ещё раз. Он взял карту за угол и положил передо мной.

— Не поможет. У вас блокировка активов, — сказал он. — Каких активов? Он повернул к себе монитор, словно ответ собирался искать там, хотя сказал сразу: — По запросу корпоративного клиента.

Я сжала пальцы так сильно, что ногти впились в ладонь. Менеджер отпил кофе, пока я пыталась выговорить следующий вопрос. — Это мой личный счет, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — У меня нет долгов перед компанией. Я требую письменного обоснования. Почему мои средства заморожены без суда?

Он пригладил волосы над ухом и снова посмотрел в монитор. — Вероника Сергеевна, я заявление могу принять. Рассмотрение — до тридцати рабочих дней. Вот форма. Бланк он подвинул двумя пальцами. Я ждала хотя бы вопроса, как вообще корпоративный клиент добрался до моего личного счёта. Вопросы не последовало.

Через тридцать дней лошадям всё равно нужно будет есть. Только корм я должна купить сегодня. Взяла бланк, сложила пополам, потом ещё раз — пока не стало понятно, что он уже не поместится в кошелек. Убрала отдельно. Менеджер нажал кнопку вызова следующего клиента раньше, чем я встала.

У банка пришлось прислониться к перилам. Дмитрий не отвечал. После десятого гудка я отключилась и набрала снова; прохожий задел меня плечом, попросил дать пройти. Я посторонилась, даже не посмотрев на него. Считала гудки во второй раз, будто в их количестве мог быть какой-то смысл.

«Он не берет трубку», — подумала я. Но через минуту телефон вибрировал в кармане куртки. SMS. «Не мешай спасать нас. Идет реструктуризация. Рынок штормит. Ты же знаешь, я делаю всё ради нашего будущего. Держись».

Я перечитала слово «нас». Кого именно он спасал? Вчера обсуждал мою подпись и мой арест. «Держись» звучало так заботливо, что захотелось разбить телефон о перила. Вместо этого сохранила сообщение. Пусть остаётся с датой и временем, а не только у меня в памяти.

Из оставшейся наличности хватало на такси до клуба. Домой дойду пешком. Нужно было увидеть Изабеллу и понять, можно ли вывезти её до того, как придут за имуществом. Она не любила чужие конюшни, после последнего переезда перестала есть. Я тогда ночевала на скамейке в проходе, пока она не потянулась за сеном из моей руки. Нельзя снова оставлять её неизвестно где.

Такси упёрлось в чёрный седан у ворот. За ним стояла ещё одна машина. Мужчины с портфелями выходили, не торопясь; один фотографировал вывеску. Я расплатилась и вышла раньше, чем водитель успел спросить, как мне отсюда возвращаться.

— Вероника Сергеевна? — окликнул меня лысый мужчина с папкой. — Вот постановление. Изъятие имущества в счёт задолженности перед «Вольский Групп». — Я не подпишу. — Подписывать вы можете с возражениями. Исполнять всё равно будем.

Я обогнала их у входа в конюшню. Изабелла вскинула голову, когда я подбежала к деннику. — Лошади не в залоге! В нашем договоре их нет. Пристав уже разворачивал следующий лист. Мне хотелось выхватить его, но я держалась за засов: отпущу — он откроет дверцу.

— В этом есть. Неделью назад подписано, вами и мужем. Он ткнул в нижнюю часть страницы. Подпись была похожа на мою, даже росчерк они не поленились скопировать. — Покажите ближе. — Сейчас опишь закончим, получите копию.

Я встала в проходе, упершись ладонями в косяки. Мужчина сбоку оттеснил меня к кирпичной стене; от удара на мгновение перехватило дыхание. За ним уже пристёгивали чомбур. Изабелла потянулась ко мне, и тот, кто держал её, дёрнул за недоуздок. — Не тяните! Она пойдёт сама. Я успела шагнуть следом, но пристав снова закрыл мне проход. Видела только её круп и хвост, исчезающие за дверью. Хотелось бежать, и пришлось сперва вдохнуть: спина болела так, что я не могла выпрямиться.

В описи рядом с подписью я написала, что оспариваю документы, и сфотографировала страницу. Изабелла уже била копытом по трапу коневоза.

На телефоне осталась открытая фотография описи. Я закрыла её и набрала Артура. Вчера он ответил, значит, мог ответить и сейчас. Но вместо него включился автоответчик. Попробовала ещё раз, потом позвонила в контору. — Он в командировке, — сказала секретарь. — На неделю. Я попросила любого другого юриста. Хоть на час. Хоть по телефону. Она записала номер и обещала передать. Слова «очень срочно» я повторила дважды, пока не стало стыдно.

До квартиры я шла пешком. На первом светофоре ещё проверяла телефон каждые полминуты, на втором уже несла его в руке. В конторе не перезванивали. Возле магазина остановилась: вспомнила, что дома нет хлеба. Достала кошелек, посчитала мелочь и убрала его. С хлебом можно подождать. Сейчас бы найти хоть один договор, которого Дмитрий не касался.

Дверь подъезда открылась с трудом. Внутри, на пороге моей квартиры, лежали коробки. Не подарки. Папки. Тяжелые, перевязанные бечевкой документы. Курьеры оставили их и ушли. Я внесла их внутрь, тяжело дыша. Открыла первую. Исковое заявление о банкротстве физического лица. Вторую. Материалы уголовного дела по факту мошенничества с закупками кормов. Поддельные накладные. Моей подписи там не было, но были печати фирмы, где я числилась директором. По датам выходило, что накладные попали в бухгалтерию месяц назад, пока я занималась племенной программой.

Третья папка содержала опись изъятого сервера с данными клиентов клуба. Полиция уже работала. На сервере были договоры учеников и данные владельцев лошадей. Теперь я даже не могла предупредить всех об отмене занятий. Перечитала опись: изъяли и резервный диск.

В дверь позвонили трижды, коротко. Я подумала, что курьер забыл ещё коробку, и открыла без вопроса. Лариса стояла почти вплотную к порогу. За её плечом уже целился камерой незнакомый мужчина. Я успела заметить мех на рукаве и носок дорогой туфли у моей домашней тапочки. Она сама привела его сюда.

— Бедная Вероника, — пропела Лариса, глядя в объектив. Она сдвинулась, чтобы журналисту было удобнее снимать нас обеих. — Так хотела быть хозяйкой положения, но забыла, кто платит за свет. Нищая наемница в своем же доме.

Вспышка ударила раньше, чем я успела заслониться. Вторая — пока Лариса говорила. Я держала дверь за край и хотела хлопнуть ею так, чтобы они оба отскочили. Мужчина переставил ногу, выбирая ракурс. Вот что им нужно: мой рот, открытый в крике, мой кулак у её лица. Потом подпишут, что я опасна, и понесут Дмитрию. Я убрала руку с косяка, хотя так было труднее удержать дверь.

— Хватит? — спросила я у человека с камерой. — Моего адреса вам тоже мало? Он опустил аппарат и посмотрел на Ларису. Она пожала плечом. — Скучная вы, Вероника. — Приходите по повестке. Тогда поговорим. Я закрыла дверь, не дожидаясь ответа, и провернула замок. Их шаги ещё слышались на площадке. Всё время, пока они уходили, я держалась за ручку, будто запертая дверь могла сама открыться.

Отойдя от двери, я села на пол среди разбросанных документов. Ноутбук был на журнальном столике. Подтянула его к себе и дождалась загрузки. Я открыла облачное хранилище, куда Дмитрий имел доступ через общий семейный архив. Там, в папке «Черновики договоров», висело письмо, подготовленное вчера вечером. В истории изменений сохранилось вложение.

Я кликнула. В письме было вложение: скан черновика. Список активов, переписанных на офшоры. Дата подачи иска. Внизу листа — приписка от руки. Я узнала его наклон букв и короткий хвост у «я». «Она слишком умная, чтобы верить в случайность. Нужно было раньше. Теперь она знает, но поздно».

Я придвинула ноутбук. «Теперь она знает». Приписку он сделал уже после гаража. Не раскаялся — пожалел, что не успел раньше. В соседней комнате ещё висел его пиджак, который я забрала из чистки. Захотелось вышвырнуть его в окно. Вместо этого я открыла свойства вложения и записала время изменения.

Я записала даты в блокнот. На первой строке ручка оставила кляксу: слишком сильно нажала. На второй почерк стал разборчивым. Каждый их шаг можно было поставить рядом с моей подписью — или её отсутствием.

Письмо я оставила на месте. Скачала его вместе с вложением в свой закрытый архив. Ссылку отправила Артуру — пусть откроет, когда выйдет на связь.

Позвонила Артуру ещё раз. На этот раз дождалась сигнала и оставила сообщение. — Я нашла скан. Отправила ссылку, проверь, пожалуйста. Дима там сам пишет, что я уже знаю. И лошадей сегодня вывезли. Я не понимаю, с какой бумаги начинать, Артур. Перезвони.

Положив телефон рядом с ноутбуком, я снова открыла вложение. До утра нужно было разобрать все даты. Дмитрий рассчитывал на мою подпись — я собиралась проверить его.

Глава 3

Перед «Грандом» я пыталась вытереть пятно на пальто влажной салфеткой. Получилось светлое пятно побольше. От меня пахло конюшней и кофе: ночью я заходила к оставшимся лошадям, а потом разбирала бумаги до утра. Охранник сперва посмотрел на это пятно, затем на меня. Я назвала фамилию и попросила позвать Дмитрия.

— Пропуск покажите, — ответил он. — Фамилии недостаточно.

Я осталась у турникета. Нужно было увидеть, с кем сегодня разговаривает Дмитрий, — дома он трубку не брал. За охранником мелькнул знакомый профиль, и я приподнялась на носки.

Лариса стояла в нескольких шагах, среди женщин в белых шляпках. Смеялась, придерживая свою двумя пальцами; рядом жокей натягивал шлем. Я знала его по тренировкам. Честный парень, очень хотел попасть в её команду. Он торопился, и ремешок лёг поверх застёжки, а не в неё. Лариса ничего не заметила.

— Ремешок проверь! — крикнула я ему через турникет. — Не застегнулся. Жокей поднял голову. — У тебя шлем слетит при первом падении. На шею денег потом не хватит.

Парень тронул застёжку, разом побагровел и принялся поправлять. Охранник отодвинул руку от турникета, чтобы его видеть. Лариса перестала смеяться и пошла ко мне. Раз уж заметила, теперь не притворится, что я пустое место.

— Вероника, — протянула Лариса, подходя ближе. Шуршала ткань её платья; запах дорогих духов «Chanel» ударил в нос, смешиваясь с моим ароматом пыли. — Ты еще жива? Я думала, ты уже повесилась в стойле вместе со своими лошадьми.

Она сказала это при жокее, который ещё минуту назад улыбался ей. Теперь парень смотрел в землю. Мне было стыдно за него — за то, что он не мог просто уйти от женщины, которая шутит о висельниках у конюшни.

— Пока жива. Тебе ведь ещё некому сказать, что ремешок на шлеме не застёгнут, — ответила я. — Шампанское само себя не подержит, да?

За спиной Ларисы кто-то кашлянул, пряча улыбку. Она резко повернулась, и жокей отступил. Я очень надеялась, что он не станет благодарить меня сейчас: ему ещё ехать за её команду.

— Уходи, нищая наемница, — процедила она сквозь зубы. — Здесь не место для тех, кто не может оплатить вход.

На спину легла ладонь. Так Дмитрий придерживал меня в толпе, когда мы куда-нибудь ходили вместе. Я не успела обернуться: он уже наклонился к моему уху. Пах знакомым одеколоном. От этого стало хуже, чем от духов Ларисы.

— Ты хочешь, чтобы тебя здесь забрали? — спросил он почти ласково. — Полиция уже к тебе едет. Исчезни, Ника. Я могу сделать так, что из СИЗО ты долго не выйдешь. На «Ника» я едва не повернулась к нему лицом. Он произносил моё имя как дома, пока рассказывал, что со мной сделает.

Его пальцы сдавили плечо. Я подняла подбородок и отступила на полшага — насколько позволяла его рука. Он заставлял меня слушать шёпот. Мне нужно было, чтобы нас услышали и другие.

— Дима, а с «Идеальной» что случилось? — спросила я громко, глядя на табло. — Коэффициент за час на двадцать процентов вниз. Ты раньше меня спрашивал, кого ставить. Теперь Лариса подсказывает? Или вы уже знаете результат? Лариса посмотрела на табло. Значит, вопрос ей не нравился. Я дождалась, пока Дмитрий уберёт руку, и отошла от него.

Люди отступили от нас, но никто не ушёл. Мужчина за турникетом даже поднял телефон повыше. Дмитрий заметил камеру и повернулся к ней боком. Уже не мог прошептать мне что-нибудь в ухо: слишком много людей смотрело.

— Ты сумасшедшая, — прошипел Дмитрий, оглядываясь на подошедших журналистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.